КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Среди непомърныхъ трудовъ, по званію перваго мастера и перваго начальника по всъмъ частямъ управленія, Государь Петръ Великій въ Октябръ 1724 года прошелъ на яхтъ своей изъ Шлиссельбурга по всему вновь пролагаемому каналу и осматривалъ работы. Оттуда отправился Олонецкіе желѣзные заводы, приказывалъ и приводилъ въ порядокъ и между прочимъ выковалъ своими руками полосу жельза. И донынь живо преданіе, что мастеровые съ благоговъніемъ смотръли на рослаго и статнаго исполина, который, скинувъ съ себя верхнее платье, ковалъ тяжелымъ молотомъ, со всѣми пріемами стараго, опытнаго кузнеца.

Отсюда Царь поѣхалъ въ Старую-Ладогу, въ Новгородъ, въ Старую-Русу, поконецъ Ильмень-Озера, гдѣ осматривалъ также начатой каналъ и солеварни, гдѣ входилъ самъ во все, училъ, показывалъ и дѣлалъ расчеты на расходъ дровъ и другія надобности. Отсюда Царь отправилъ

нарочнаго съ отвътомъ въ Астрахань, по случаю войны съ Персіанами.

Въ началъ Ноября Царь отправился на обратно въ Петербургъ, а оттуда прямо и не выходя на-берегъ, пошелъ на осмотра Сестроръцкихъ ДЛЯ оружейныхъ заводовъ. Во все это время хворалъ, перемогался, но недосугомъ, и поберечь себя не хотълъ. Погода стояла бурная и холодная; приставъ къ берегу, Государь увидълъ идущій изъ Кронштата ботъ, слишкомъ нагруженный солдатами и матросами, который сильно трепало вътромъ и волнами, и бросило на мель.

Уже смеркалось; Царь остался на берегу и послалъ на помощь бъдствующимъ лодку людьми; НО дѣло своими co безтолково, бота не могли стащить съ мели, волненіемъ било его и Государь, не спуская глазъ, гнъвался. Въ это время нъсколько человъкъ, сорванныхъ съ бота волной, приплыли берегу и выкинуты были КЪ полумертвыми. Царь не стерпълъ: тотчасъ самъ бросился на шлюпку. Съ

большимъ трудомъ отвалили отъ берегу, потому что волна выкидывала шлюпку; наконецъ справились, но шлюпка брошена была опять на отмель, не доходя до бота. Царь выскочилъ и по-поясъ въ водъ пошелъ на помощь къ бъдствующимъ.

Голосъ Его ободрилъ всъхъ, привелъ всякаго въ память и, позабывъ на время исполнялъ молча опасность, всякъ приказанія спѣшилъ Царскія и повиноваться. Боть быль снять съ мели, къ берегу и болѣе 20-ти приведенъ человъкъ на немъ находившихся были спасены. Прибывъ съ ними на-берегъ, Царь отправилъ напередъ слабыхъ при себъ въ крестьянскія избы, и потомъ уже самъ переодълся.

Но дорого стало Россіи спасеніе этихъ двадцати человѣкъ. Всю ночь Государь лежалъ какъ въ огнѣ и, не могши ѣхать въ Систербекъ, на другой день тяжко хворый отправился въ Петербургъ.

Не безъ того, можетъ-статься, что и скорбь душевная, ожидавшая больнаго Государя въ столицъ, еще болъе усилила

бользнь: Онъ узналъ здъсь, что одинъ изъ знатныхъ придворныхъ Его, которому Онъ во всемъ върилъ, обманывалъ и облыгалъ Его и бралъ за это взятки. Ни бользнь Царская, ни просьбы Царицы не спасли безчестнаго вельможу и онъ былъ казненъ.

Нъсколько оправившись, но еще хилый и Царь обручиль старшую дочь Великую Княжну, Герцога за Голстинскаго, Самъ день a продолжалъ трудиться правосудіи 0 домашнемъ и о дълахъ всякаго рода; Онъ написалъ Своей державной рукой болъе указовъ – между прочимъ десяти сбереженіи корабельныхъ лѣсовъ – снова присутствовалъ въ Сенатъ и издалъ много указовъ, относящихся ДΟ порядка, устройства, правосудія и просвъщенія.

заботахъ Въ такихъ И бользненныхъ страданіяхъ, посль жестокой Лахтъ, насталъ простуды новый на 1725 годъ. Царь встрѣтилъ его Соборномъ храмъ Св. Троицы и опять, по мъръ силъ, началъ заниматься дълами. Уже нѣсколько лѣтъ TOMY, какъ Государь

суда изъ Архангельска, посылалъ испытанія прохода по берегу Ледовитаго моря, мимо всей Сибири, въ Восточную Индію; за льдами, попытка эта, удалась, - какъ она не удается и понынъ; Царь въ это время, заботясь о мореплаваніи такойже опять назначиль нашемъ, ВЪ поискъ изъ Камчатки Капитана Беринга, написавъ о походъ этомъ наставленіе Своею рукой. И этомъ плаваніи ВЪ впервые узнали, Америки Сибирь что отъ отдъляется широкимъ проливомъ, который и названъ Проливомъ Беринга.

Но страданія Царя, при застуженной каменной болъзни его, усиливались доходили уже временемъ до того, что Онъ говорилъ: «Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ!» слегъ и, повелъвъ близь почивальни Своей поставить походную Церковь, 22-го Января исповъдался и пріобщился. Всъ бывшіе въ столицъ врачи созваны были на совътъ, но страхъ и молчаніе ихъ показывали только, человѣческой помощи что приходитъ 25-го сошлись предълъ. Дворцѣ BO

Сенаторы, Генералы, высшіе чины всѣхъ службъ и Святѣйшій Синодъ. Никто болѣе себя не помнилъ, не помышлялъ о снѣ и пищѣ, не смѣлъ выговорить чего страшился и не зналъ что начать. Иные сидѣли опустивъ головы, другіе молча глядѣли во всѣ глаза на каждаго встрѣчнаго, третіи, какъ обезумѣвъ, начинали рыдать. Во всѣхъ Церквахъ столицы шли молитвы день и ночь, и народъ стекался толпами.

просьбъ доброй Царицы, объявилъ прощеніе милость И преступникамъ, кромъ убійцъ, и все еще занимался дълами, будучи въ памяти, хотя весьма слабъ. Послъднимъ повелѣніемъ Его, кромѣ прощенія бывшихъ подъ военнымъ судомъ, было о томъ, изъ какихъ доходовъ назначить содержаніе на Адмиралтейство! Тогожъ 26-го Января въ исходъ втораго часа дня, Царь вдругъ спъшно спросилъ пера и бумаги – хотълъ что-то писать – перо выпало изъ рукъ исполина — Онъ призвалъ Цесаревну Анну Петровну, хотълъ ей велъть писать – но не могъ уже выговорить ни слова!

Два Архіерея приступили къ одру и стали говорить о благодатномъ спасеніи нашемъ чрезъ Христа, полагая впрочемъ, что отходящій Царь уже не въ силахъ уразумѣть ихъ; но Онъ вдругъ приподнялся на одрѣ смерти и сказалъ внятно:

«Сіе едино жажду Мою утоляеть; сіе едино услаждаеть Меня!»; вслѣдъ за тѣмъ произнесъ: «вѣрую и уповаю;» потомъ, принявши Святое Причастіе, произнесъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи! помози моему невѣрію.»

За тѣмъ смотрѣлъ Онъ на всѣхъ спокойно и милостиво, отвѣчая еще знаками, изъ чего и видѣли, что великій страдалецъ былъ въ полной памяти. Всѣ наполнявшіе Дворецъ не могли удержаться и вельможи съ рыданіемъ бросились къ одру отходящаго и стали прощаться. Собравъ послѣднія силы, Онъ вымолвилъ послѣднее слово: «Послѣ!» Понявъ, что прощаніе это Ему тягостно, всѣ вышли.

Еще болѣе полусутокъ страдалъ Царь и при Немъ безвыходно оставался духовникъ Его, Преосвященный Өеофанъ, который

свидътельствуеть, что когда снова сталъ утъшать отходящаго, воспоминая о въчномъ блаженствъ и о цънъ искупленія, тогда Царь «силился возставать и правую руку вздымать и творить крестное знаменіе; а ликъ прояснялся къ радости и весьма въ болъзни торжествовалъ, яко несомнительный въчныхъ благъ наслъдникъ.»

Пріобщившись вторично Св. Таинъ, Государь продолжалъ отвѣчать легкими знаками на увѣщанія и крѣпительную бесѣду духовенства; наконецъ прочитали и отходную; Царь лежалъ такъ тихо, что сомнѣвались, живъ ли онъ еще; прошло немного времени и Царица, у которой лежалъ Царь на рукахъ, съ воплемъ упала лицемъ на бездыханное тѣло супруга Своего: всему конецъ!

Это было 28-го Января 1725 года, въ четверть шестаго часа утра. Застонали всѣ покои Царскіе, весь Дворецъ — и стонъ разнесся по улицамъ и жильямъ столицы, а оттуда по всему Царству. И послѣдняго, неразумнаго человѣка обнялъ страхъ и

жалость: что теперь будеть изъ насъ, что будеть съ землею Русскою, когда не стало Петра?

Онъ скончался на 53-мъ году отъ рожденія, на 42-мъ отъ Царствованія, на 36-мъ отъ единодержавія Своего. Сенатъ, Синодъ и высшіе чины тотчасъ присягнули на вѣрноподданство коронованной Супругѣ Его, Императрицѣ Екатеринѣ Первой.

Императоръ Петръ Великій ростомъ двухъ аршинъ и четырнадцати вершковъ; лице полное, смугловатое, глаза черные съ огнемъ; чело, носъ благообразные. Волоса темные, почти черные, которыхъ онъ не пудрилъ – тогдашнему обычаю, - не отрощалъ и не зачесывалъ; просто завивалъ, a небольшой. Вся осанка и видъ Царя былъ грозный, воинскій, но въ тоже время умный и милосердый. Голосъ его быль звучный, ясный; говоръ чистый, сановитый; ръчь кроткая, сильная, убъдительная. Походка стройная, величавая; сложеніе сильное и всъхъ пріемахъ крѣпкое; во величіе смълость; всегда и всюду Онъ, и по самой наружности, отличался отъ всъхъ, такъ – говорить живое преданіе — что когда Петръ Великій бралъ изъ рукъ плотника топоръ, всъ окружали его любовію съ изумленіемъ: НИ y кого изъ върноподданныхъ Его было не такихъ сановитыхъ пріемовъ, смѣлаго такого взмаха. Обращеніе Его было прямое и простое; одежда, не по обычаю, проста — полукафтанье плотнаго Онъ былъ трудолюбивъ и работящъ, не терпълъ роскоши, ненавидълъ всякую не правду, но всегда прощалъ миловалъ кающагося гръшника. Поди, впредь не будь таковъ, а бойся Бога — это быль отвъть Его тому, кто винился.